

Глава 98: Решение дела.

Сяо Юй чувствовал, что он еще слишком молод, и что он оказался беспомощным из-за небольшого дела о пожаре в зернохранилище, которое ему пришлось решать вместе с Мин Чоном.

Если он не способен и в его распоряжении слишком мало способных людей, то как он сможет управлять страной в будущем?

Пэй Линьчжи умеет воевать, но страной, которую он защищает, нужно будет управлять.

Даже если Мин Чон способен, он такой один, и не может сделать все.

После долгих раздумий Сяо Юй решил, что лучше всего будет снова пойти поговорить с Ван Ци. Младших чиновников можно заменить путем отборочных экзаменов, но им потребуется время, чтобы набраться опыта, и ему нужен кто-то, кто мог бы держать оборону во время этого вакуума.

Ван Ци, похоже, имел высокую репутацию среди чиновников Гуанчжоу, и, хотя он был мирским и утонченным человеком, он, безусловно, был способным.

Сяо Юй чувствовал, что в прошлый раз отношение Ван Ци к нему несколько смягчилось. Но у Ван Ци могло быть слишком много забот. Хотя он был боковой ветвью клана Тайюань Ван, это был большой клан в Империи Ань, и если весть о его дезертирстве достигнет столицы, вероятно, пострадают все кланы Ван в Цзянье.

На следующий день, в день зимнего солнцестояния, улицы города были украшены, и праздничная атмосфера была как никогда сильна. Каждый дом был украшен фонарями в честь праздника и завершения строительства улиц.

Сяо Юй пригласил Ван Ци с семьей прогуляться по главной улице города Панью.

Хотя он не выходил из кареты, Ван Ци мог видеть улицы из своей кареты и был удивлен, но сказал: "Каждый новый чиновник хочет построить мост и проложить дорогу, чтобы показать свои способности и оставить немного своих политических достижений".

Сяо Юй равнодушно улыбнулся: "Это все равно лучше, чем ничего не делать, не так ли?".

Ван Ци добавил: "Шерсть поступает с овец, разве справедливо по отношению к остальным людям, что вы тратите все налоги Гуанчжоу на город Панью?".

"Люди, которых я призвал на работу, были все жители Панью, и я заплатил за все инструменты

и материалы из своего кармана, и я ел только немного риса из правительственного зернохранилища", - сказал Сяо Юй.

Ван Ци молча смотрел на Сяо Юя.

Сяо Юй сказал: "Кстати, я планирую отменить избирательный налог со следующего года. Все поля будут облагаться единым налогом, независимо от того, государственные они или частные, и с каждого му будет брать по два катти".

В Ячжоу, где в год собирают трехкратный урожай, берут три катти, а в Гуанчжоу, где двукратный урожай - два.

Если бы им не нужно было готовиться к войне, не было бы необходимости взимать столько продовольствия. Когда наступит мир, можно будет снизить налоги и восстановить экономику.

Ван Ци посмотрел на него косо: "Вы еще не урегулировали мир, а уже начали снижать налоги, неужели вы не хотите вести эту войну?".

Сяо Юй улыбнулся и сказал: "Если мы заново измерим землю, то получим все налоги, которые были потеряны". За многие годы местное дворянство поглотило и утаило много земли, и оставалось еще много вновь отвоеванных земель, которые не были включены в налогообложение.

Ван Ци покачал головой: "Вы не сможете сделать это с помощью повторного измерения".

"Почему?"

"Местное дворянство тщательно скрывает и искажает отчеты, и вы не можете сами пойти и проверить цифры, так как же вы можете быть уверены, что то, что он сообщил, правда или ложь?".

Сяо Юй сказал: "Подготовлю две группы измерительных бригад и они все измерят по отдельности, и если полученные цифры будут слишком далеки друг от друга, то кое-кто будет привлечен к ответственности".

Ван Ци сказал: "А как вы обеспечите, чтобы местные власти не вступили с ними в сговор?".

"Не господину Вану беспокоиться об этом", - Сяо Юй продолжал улыбаться.

Сяо Юй остановил карету и послал Цзи Хая купить закуски и игрушки для детей Ван Ци, курицу в листьях лотоса для госпожи Ван и кувшин вина для Ван Ци, своего рода подарки на зимнее солнцестояние.

Когда они вернулись домой, Сяо Юй дал Ван Ци свиток бумаги: "Эта бумага моего собственного производства из Ячжоу, отдайте ее своим детям, чтобы они тренировались писать".

Ван Ци развернул свиток и посмотрел на белоснежную бумагу, протянул руку и скрутил, убедившись, что это не шелк, и недоверчиво сказал: "Это бумага, которую Его Высочество сделали сами?".

Несмотря на то, что он происходил из дворянской семьи, он никогда не видел такой белоснежной, тонкой и ровной бумаги, не говоря уже о его детях.

Сяо Юй улыбнулся и сказал: "Я также использую эту бумагу для обмена на иностранную валюту. В будущем она понадобится мне для обмена на лошадей у варваров на севере".

Впервые Ван Ци почувствовал, что Сяо Юй хоть и был немного наивным, но он не был бесполезным человеком.

Сяо Юй сказал: "Ваше превосходительство, идите домой и наслаждайтесь праздником, я не буду сопровождать вас".

Ван Ци подождал, пока его жена и дети выйдут из кареты, и спросил: "Вы что-нибудь узнали о пожаре в зернохранилище?".

Сяо Юй покачал головой: "Нет, еще нет. Не хочет ли господин Ван дать совет?".

Ван Ци сказал: "Метод подготовки официальных мешков с зерном отличается от частного, поэтому Его Высочество может найти некоторые подсказки, если вы будете внимательны". Он вышел из кареты.

Сяо Юй выслушал, затем улыбнулся: "Спасибо господину Вану за ваш совет".

Дети бросились во двор со своими игрушками, а госпожа Ван стояла у ворот в ожидании мужа, и только когда карета отъехала, супруги вошли в дом.

Госпожа Ван сказала: "Его Величество чрезвычайно доброжелателен по своей природе, и я вижу, что он человек вежливый и добродетельный".

Ван Ци отвернулся: "Как может доброжелательный человек выстоять в смутные времена?".

Сяо Юй передал информацию, полученную от Ван Ци, Мин Чону и Сяо Цао, а те восприняли это как подсказку и начали планировать, связавшись с Линь Хуном.

Мин Чон послал кого-то купить зерно в Гуанчжоу, выдавая себя за торговца зерном с севера, связавшись сначала с семьей Линь, а затем с семьей Чэнь.

Семья Чэнь была обеспокоена делом Чэнь Ли и хотела избавиться от партии зерна, которое было государственным зерном, вроде как сгоревшим в зернохранилище на севере города.

Во время сделки Сяо Цао во главе своих войск захватил все украденные товары и изъял более 800 000 катти государственного зерна из зернохранилищ семьи Чэнь.

Сяо Цао допросил Чэнь Ли и главу семьи Чэнь, которые уже давно находились под стражей, эти два человека не были заранее проинформированы, и их показания не соответствовали друг другу и были полны утечек.

Усилия Сяо Цао по запугиванию и обману этих двух мужчин, в конце концов, привели к тому, что они признались, что обменяли старое заплесневевшее зерно семьи Чэнь, на новый рис правительства.

Примерно в то же время, после настойчивых усилий, Лай Фэн наконец нашел улики у одного из сопровождающих Чэнь Ли.

Проиграв все свои деньги в казино, он отправился шантажировать сына Чэнь Ли и был пойман Лай Фэном, который признался, что убил двух охранников и что Чэнь Ли приказал ему это сделать.

Чэнь Ли обменял заплесневелый рис семьи Чэнь на новый рис от правительства, и чтобы не раскрыть свое преступление, он поджег зернохранилище и убил двух охранников, которые знали об этом. По закону Чэнь Ли был приговорен к смертной казни за несколько преступлений.

Презрение семьи Чэнь к закону и хищение государственного зерна были настолько велики, что, помимо конфискации украденного зерна, им пришлось лишиться семейного имущества.

Патриарх семьи Чэнь немедленно принял решение и объявил, что 800 000 катти зерна принадлежат самому Чэнь Ли, а не семье Чэнь, которая уже давно отделила его от клана. Зерно также было продано семьей Чэнь от имени Чэнь Ли, а документы на дом и поля также были изъяты.

Даже если 800 000 с лишним катти зерна будут собираться дважды в год, это означает, что для их производства потребуется по меньшей мере около 2 000 му земли.

Семья Чэнь также была очень щепетильна: она отрезала боковую ветвь, чтобы спасти свою семью, и отдала документы на 2 000 му земли.

Когда Сяо Юй увидел документ, он вздохнул: "Семья Чэнь действительно богата, две тысячи му земли - это только пятая часть всех их земель. Это даже не считая их магазинов и домов". Он освоил несколько сотен му пустоши в деревне Байша и чувствовал себя крупным землевладельцем, но по сравнению с семьей Чэнь это был сущий пустяк.

Пэй Линьчжи сказал: "Потеря двух тысяч му земли совсем не повредила им. Но эффект "Уронить гору и спугнуть тигра" был достигнут".

Сяо Цао спросил: "Брат, что ты собираешься делать с этой землей? Две тысячи му, и все они соединены с верхними полями".

Сяо Юй сказал: "Было бы лучше нанять тех, у кого нет полей, чтобы они пришли и возделывали их".

Все люди, занимавшиеся сельским хозяйством, будь то государственные или частные фермеры, облагались налогом в два катти риса, но фермеры-арендаторы, потерявшие свои земли, эксплуатировались другим способом: арендной платой от землевладельца.

Арендная плата арендодателя обычно была намного выше, чем налог, и арендодатель обычно просил фермера-арендатора платить 50/50, или даже 80/90 или 70/30, в дополнение к налогу.

Другими словами, фермер-арендатор обычно выполнял тяжелую работу на хозяина, чтобы едва сводить концы с концами.

Случай с Чэнь Ли послужил сигналом для великих кланов Гуанчжоу, что новый император - не свет, и что им не следует бросаться на рожон, так как если их поймут на месте преступления, они лишатся всего, даже если не умрут.

Со временем все семьи и кланы успокоились, и даже количество инцидентов в сфере правопорядка, связанных с драками и потасовками, уменьшилось.

Когда дело Чэнь Ли было закончено, Новый год уже давно прошел, и наступила весна.

С наступлением года все начинают заниматься делами.

Сяо Юй был занят подготовкой к отборочным экзаменам в марте и открытием школы в Гуанчжоу; Пэй Линьчжи был занят подготовкой своих войск для захвата Цзяо в течение этого года; а Мин Чон был занят подсчетом населения и земель в Ячжоу и Гуанчжоу.

Хотя подушный налог был отменен, по-прежнему необходимо следить за численностью и структурой населения, поскольку рабочая сила является самой большой производительной силой в эту эпоху, и даже военная мощь также зависит от рабочей силы.

Статистика населения не была напрямую связана со сбором налогов, но ее было легко подсчитать, за исключением, возможно, рабов, которых держали некоторые семьи и которых нельзя было сосчитать.

Земельная статистика, с другой стороны, была напрямую связана с налогообложением, и для великих семей было обычным делом намеренно скрывать количество земли, которой они владели, чтобы платить меньше налогов.

Именно поэтому Сяо Юй сказал, что земля будет измеряться двумя отдельными группами. Правительство лично отправляло команду землемеров для измерения общего количества му в деревнях, а затем команда местных чиновников измеряла количество му в каждой семье.

Если разница между двумя сторонами была слишком велика, местные чиновники заменялись.

Люди, которые измеряли землю, были выбраны Мин Чоном из армии, так как отборочные экзамены еще не начались, поэтому им некого было использовать, кроме солдат.

Метод открытия школ был основан на старом методе Ячжоу - подсчет количества школ, правительство финансировало строительство школ и нанимало ученых в качестве учителей.

Как только эта последовательная политика была принята, жители Гуанчжоу поняли, что с приходом нового императора произойдут некоторые изменения.

Сяо Юй также был готов пригласить в Гуанчжоу группу мастеров-плотников из Ячжоу для постройки мельниц и улучшения условий орошения и обмолота риса.

После первого месяца в Панью начали приезжать студенты из других уездов, чтобы сдать экзамены. Публичные дома города становились все более оживленными, и это немного напоминало древние императорские экзамены.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14646/1300297>